

**О СИНГУЛЯРНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ
В ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ
ПОСТАВЩИКА (ИСПОЛНИТЕЛЯ, ПОДРЯДЧИКА)
ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ (МУНИЦИПАЛЬНЫМ) КОНТРАКТАМ***

А. С. Яковлев, А. И. Поротиков
Воронежский государственный университет

**ON SINGULAR SUCCESSION IN THE RIGHTS
AND OBLIGATIONS OF SUPPLIERS (CONTRACTORS)
UNDER STATE (MUNICIPAL) CONTRACTS**

A. S. Iakovlev, A. I. Porotikov
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются особенности сингулярного перехода прав и обязанностей поставщика (исполнителя, подрядчика) в государственных (муниципальных) контрактах. Анализируются юридико-технические, догматические, политико-правовые основания для ограничения правопреемства на стороне поставщика (исполнителя, подрядчика). Поднимаются проблемы допустимости перевода долга по контракту на основании сделки, а также запреты замены исполнителя контракта.

Ключевые слова: правопреемство, исполнение обязательства, контрактная система, государственный контракт.

Abstract: the features of the singular transfer of rights and obligations of the supplier (performer, contractor) in state (municipal) contracts are considered. The article analyzes the legal, technical, dogmatic and political grounds for restricting succession on the side of the supplier (contractor). The authors discuss the problems of the admissibility of transferring debt under a contract on the basis of a transaction, as well as prohibitions on replacing the contract executor.

Key words: succession, fulfillment of obligations, contract system, state contract.

**Перевод долга в силу закона и запрет
перемены исполнителя контракта**

Положения Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (да-

лее – Закон о контрактной системе)¹ в качестве предмета контракта допускают аренду имущества для публичных нужд, в которой место исполнителя контракта занимает арендодатель, являющийся по смыслу ст. 608 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)² либо собственником такого имущества, либо лицом уполномоченным законом или собственником сдавать имущество в аренду.

К одной из особенностей регулирования отношений по поводу аренды в отечественном

* Статья является продолжением размышлений авторов о допустимости и ограничениях правопреемства по обязательствам в государственных контрактах. Первую часть см.: Яковлев А. С., Поротиков А. И. Об универсальном правопреемстве в правах и обязанностях поставщика (исполнителя, подрядчика) по государственным (муниципальным) контрактам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. 2023. № 4. С. 111–118.

© Яковлев А. С., Поротиков А. И., 2024

¹ Рос. газета. 2013. № 80.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательстве относится так называемый принцип следования, закрепленный в ст. 617 ГК РФ, согласно которому при отчуждении сданной внаем вещи к новому собственнику переходят права по ранее заключенному договору аренды, а его права в отношении вещи обременяются правами арендатора. Лицо, к которому перешло право собственности на арендуемое имущество, вне зависимости от волеизъявления арендатора в силу закона приобретает права и обязанности арендодателя, прежний собственник этого имущества выбывает из правоотношений по его аренде независимо от того, внесены изменения в договор аренды или нет, а соответствующий договор продолжает регулировать отношения между новым арендодателем и арендатором³.

Сохранение аренды при распоряжении арендованным имуществом является отступлением от общего правила относительности обязательственных отношений (п. 3 ст. 308 ГК РФ), допускаемым законодателем в интересах арендатора, чье спокойное владение не может быть нарушено по воле арендодателя, который в ином случае получил бы беспрепятственную возможность в любой момент избавиться от арендного обременения, продав вещь третьему лицу с оговоркой об обратном выкупе. Выступая побочным следствием распоряжения арендованной вещью, перемена лица на стороне арендодателя в силу ст. 617 ГК РФ представляет собой частный случай одновременной уступки требования и, что для нас важнее, перевода долга, который происходит не по сделке⁴, а в силу закона (ст. 387, 392.2 ГК РФ).

Нетрудно заметить, что общее правило о переводе обязательства по договору аренды вступает в конфликт с буквально истолкованной нормой ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе, не предусматривающей подобного исключения из запрета перемены исполнителя в публичном контракте⁵. Поскольку правила о кон-

трактной системе не ограничивают собственника в праве распорядиться принадлежащим ему имуществом, такое толкование рассматриваемого нами императива позволяет арендодателю, более не стесненному принципом следования, навязанным ему положениями ст. 617 ГК РФ в интересах арендатора, самому определять судьбу арендного обязательства, решая, в какой момент его прекратить, для чего достаточно продать сданную внаем вещь покупателю, которым скорее всего окажется аффилированное с ним лицо.

В подобных условиях государственный заказчик – арендатор вопреки существу арендного обязательства, запрету произвольного отказа от исполнения договора оказывается в заведомо слабой договорной позиции, попадает в зависимость от арендодателя, его доброй совести и желания продолжать договорные отношения⁶. Между тем такое положение дел вступает в явное противоречие с целями и существом законодательного регулирования контрактных отношений, а потому позволило судам отказаться от буквального понимания анализируемой здесь нормы в пользу ее расширительного толкования, устраняющего кажущееся противоречие между правилами о контрактной системе и принципом следования, заложенном в нормах гражданского законодательства.

По одному из дел Арбитражный суд Московского округа в этой связи указал, что установление общего императивного запрета на замену стороны контракта согласно ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе не содержит принципиального отрицания действия п. 1 ст. 617 ГК РФ в части установления гарантий правового положения арендатора при смене собственника арендуемого имущества, как и не закрепляет запрета собственнику на свободное распоряжение принадлежащим ему имуществом⁷. Сходная логика с необходимостью распространяется и на иные случаи, в которых проявляется действие принци-

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 305-ЭС20-14025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Договор купли-продажи, имеющий другой предмет и заключаемый без согласия арендатора, к таким сделкам относиться не может.

⁵ Подчеркнем, что вопросы правопреемства в различных категориях обязательственных отношений, не только в области контрактной системы, уже становились предметом доктринального анализа, в результате которого были выявлены многочисленные пробелы и кол-

лизии правового регулирования. (См.: Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве. М., 2011. 263 с.).

⁶ Сходная ситуация складывается и в обязательствах по поводу исключительных прав, в которых заказчик с риском для себя приобретает лицензию, которая в любой момент может быть отозвана правообладателем.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2021 г. № Ф05-15716/2021 по делу № А40-143913/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

па следования. Так, при переходе исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к новому правообладателю последний в силу п. 7 ст. 1235 ГК РФ становится лицензиаром на условиях ранее заключенного лицензионного договора. Такая замена должника, обеспечивающая интересы кредитора – государственного заказчика, также должна выводиться из-под действия запрета перемены исполнителя.

Изложенного достаточно для вывода о том, что специальные положения ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе не могут быть истолкованы вопреки общим правилам п. 1 ст. 617, п. 7 ст. 1235 ГК РФ, которые в большей степени, нежели специальные нормы Закона о контрактной системе, соответствуют целям законодательного регулирования, принципу защиты публичного интереса в контрактном обязательстве.

Допустимость перевода долга по контракту на основании сделки

Известно, что одним из необходимых условий замены должника в обязательстве является согласие кредитора на перевод долга, поскольку для кредитора далеко не безразлично, кто является должником (имущественное положение должника, репутация, опыт, способность исполнить обязательство и т. п.). В отличие от общих правил ГК РФ Закон о контрактной системе устанавливает безусловный, не зависящий от воли кредитора запрет на перевод долга по контракту⁸.

«В ходе реформы гражданского законодательства в текст ГК порой попадают нормы, не отличающиеся четкостью формулировок и устанавливающие чрезмерные, не имеющие сколько-нибудь разумного правно-политического обоснования ограничения гражданского оборота. Одной из таких норм является правило п. 7 ст. 448, появившееся в Кодексе с 01.06.2015, которое запрещает уступку прав по обязательствам,

возникшим из договора, заключение которого в силу закона возможно только на торгах. С учетом того что он находится в одном пункте с запретом перевода долга, возложения исполнения и декларацией о необходимости личного исполнения победителем торгов таких договоров, этот запрет следовало бы понимать как исключаящий замену в обязательстве лица, выигравшего торги, иным лицом, т. е. как инструмент противодействия разного рода злоупотреблениям при торгах. Соответственно, и применяться это ограничение должно лишь там, где такие злоупотребления в принципе возможны»⁹.

Возможно, такое регулирование обусловлено идеей недопущения возможных злоупотреблений со стороны представителей заказчиков, распоряжающихся не своими, а бюджетными средствами. Кроме того, для заказчиков осуществление закупок зачастую является далеко не основным видом деятельности. В этой связи руководители и персонал заказчика могут не обладать достаточной компетенцией для оценки всех возможных правовых последствий своего поведения при исполнении контракта. Так, еще Высший Арбитражный Суд РФ акцентировал внимание на том, что Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» устанавливает императивные требования к заказчикам и исключает для них возможность действовать по собственному усмотрению исходя из гражданско-правового принципа «можно все, что прямо не запрещено»¹⁰.

Подобные меры защиты публичных интересов трудно назвать последовательными. Ведь именно заказчику предоставлено право определять предмет и условия закупки, что предполагает у него достаточную компетенцию для осуществления закупки. Недюжинной квалификации и опыта сотрудников заказчика требует и знание обширного свода норм, которые наряду с Законом о контрактной системе помещаются в едва обозримом количестве подзаконных актов.

⁸ Отметим, что в доктрине неоднократно обсуждались вопросы уступки права требования по государственным (муниципальным) контрактам, которые так же, как и перевод долга, вызвали дискуссию о допустимости замены кредитора в данных обязательствах в связи с коллизиями в правовом регулировании между нормами ГК РФ и Закона о контрактной системе. (См. подробнее: Чваненко Д. А. Можно ли уступить требование по госконтракту? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 31–35).

⁹ Латыев А. Н. Уступка прав по договору, заключенному на торгах. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 4.

¹⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. № 11535/13 по делу № А40-148581/12, А40-160147/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ранее уже упоминалось о том, что для публичных контрактов требование реального исполнения имеет особое значение, обусловленное потребностями удовлетворения публичных нужд. Так, заказчик, да и публичное образование, в интересах которого заключается контракт, заинтересованы в том, чтобы дороги были отремонтированы, больные получили лекарства, а дети – питание в дошкольных учреждениях.

Представим ситуацию, когда, например, поставщик лекарств или питания по каким-либо причинам не может надлежащим образом исполнить контракт. В этом случае доступные заказчику средства защиты сводятся к ограниченному набору способов с присущими им высокими издержками для кредитора. По общему правилу заказчик вправе применять к такому поставщику меры имущественной ответственности в виде неустойки, требовать возмещения убытков, для определения и взыскания которых обычно нужно приложить незаурядные усилия. Он может отказаться от контракта, заказав нужное у последующих участников закупки по правилам ч. 17.1 ст. 95 Закона о контрактной системе, что требует соблюдения неспешной процедуры, связанной со включением информации о первом исполнителе в реестр недобросовестных поставщиков. При этом объем работы или услуги, выполняемой (оказываемой) вторым участником, должны быть уменьшены с учетом количества поставленного товара, объема выполненной работы или оказанной услуги по расторгнутому контракту, относительно чего у сторон почти всегда имеются разногласия, разрешаемые в ходе долгих судебных тяжб, до окончания которых судьба замещающей сделки оказывается в подвешенном состоянии. Для того чтобы заново разместить заказ, требуется время, ограниченное сроками принятия бюджетных обязательств и заключения контрактов¹¹. Тем временем больные остаются без лекарств, детское питание отсутствует, а скорая медицинская помощь не оказывается.

Положение заказчика оказывается не столь бедственным, если, преследуя цели максимально полного и эффективного удовлетворения публичных нужд, допустить принципиальную воз-

можность перевода долга исполнителя по контракту.

Несмотря на то, что в приведенных примерах речь идет не столько о переводе долга, сколько о передаче договора в целом, ситуация перехода долга без одновременной уступки требования также является вполне реальной, например, в случае, когда после исполнения основного обязательства по поставке у исполнителя возникнут сложности, связанные с выполнением гарантийных обязательств, которые с пользой для всех могут быть перенесены на другое лицо. Очевидно, что для этого требуется предусмотреть механизм защиты публичных интересов от возможных злоупотреблений, связанных прежде всего с обходом правил о торгах, справедливой конкуренции, с тем, чтобы риск недобросовестности сторон контрактной системы не позволил отказаться от плодотворной идеи оборотоспособности обязательств из контрактов.

Так, понятно, что новый исполнитель должен соответствовать требованиям, которые предъявлялись заказчиком к участникам торгов, с учетом очередности в соответствии с ч. 17.1 ст. 95 Закона о контрактной системе; а также предоставить предусмотренное данным законом обеспечение исполнения и отвечать иным правилам и моделям регулирования, поиск которых нуждается в более детальном исследовании.

Особенности перемены исполнителя в государственных (муниципальных) контрактах, заключенных с единственным поставщиком

Большинство ранее изложенных аспектов касалось контрактов, заключаемых по результатам проведения конкурентных процедур. Однако Закон о контрактной системе предусматривает возможность заключения контракта и без них в ходе закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случаях, установленных ст. 93. В частности без проведения торгов могут заключаться контракты на закупку товара, работы или услуги, которые относятся к сфере деятельности субъектов естественных монополий; оказание услуг по водоснабжению, водоотведению, теплоснабжению, обращению с твердыми коммунальными отходами, газоснабжению; договоры энергоснабжения или договоры купли-продажи электрической энергии с гарантирующим поставщиком электрической энергии и т. п. Поставщики,

¹¹ О мерах по обеспечению исполнения федерального бюджета : постановление Правительства РФ от 9 декабря 2017 г. № 1496 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 51. Ст. 7807.

о которых идет речь, потому и оказываются единственными, что обычно не имеют конкурентов на рынке товаров, работ и услуг.

В этой ситуации запрет правопреемства при реорганизации, например, субъекта естественной монополии, будет означать, что публичный интерес, который не может быть удовлетворен иным лицом, окажется необеспеченным. Те же результаты, но по иным причинам, наблюдаются в случае малых закупок, производимых в порядке п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе, в особенности когда такие контракты заключаются не в электронной форме с использованием электронной площадки (ч. 12 ст. 93). Обособление этой группы контрактов призвано по мысли законодателя снизить издержки конкурсных процедур, которые для данной категории оказываются неоправданно высокими и не покрываются присущими им выгодами. Препятствия в мобилизации обязательств, возникающих по поводу малых закупок, точно так же, как торги, оборачиваются непомерной ценой для оборота, а потому мешают ему, создавая дополнительные риски, которые влияют на повышение цены и в конце концов приводят к неэффективному расходованию бюджетных средств.

Очевидно, что степень договорной свободы сторон такого контракта должна быть существенно выше, нежели при осуществлении конкурентных закупок. Собственно, даже сам Закон о контрактной системе, в изъятие из общего правила о недопустимости изменения условий контракта, применительно к контрактам с единственным поставщиком такое изменение прямо допускает (п. 10 ч. 1 ст. 95).

Подводя итог сказанному, нужно отметить, что попытки ограничивать общие положения гражданского права для защиты публичных интересов, особенно в области заключения государственных контрактов и особенно на торгах, можно признать обоснованными, если только такие ограничения будут продуманными и последовательными, не станут создавать дисбаланс в отношениях сторон контракта. Следует согласиться с коллегой Э. Е. Бершицким, отметившим: «Оценочных ограничений преемства, устанавливаемых в публичных интересах, должно быть меньше всего. Оптимальный вариант закрепления ограничений – точечные запреты, сформулированные ясно и недвусмысленно. Таковы требования правовой определенности <...> аккумулировать все такие случаи и вы-

работать для всех них единый режим, по всей видимости, вряд ли возможно, особенно учитывая, насколько тонка грань между ограничениями этой группы и ограничениями, устанавливаемыми, скажем, в интересах кредиторов»¹².

Библиографический список

Бершицкий Э. Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора : в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50–104 ; № 3. С. 115.

Латыев А. Н. Уступка прав по договору, заключенному на торгах. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 4–8.

Чваненко Д. А. Можно ли уступить требование по госконтракту? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 307-ЭС16-19959 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 31–35.

Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве. М., 2011. 263 с.

References

Bershitsky E. E. The appraisal restrictions of the singular succession in obligatory rights on the side of the creditor : in search of criteria // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 2. P. 50–104 ; no. 3. P. 115.

Latyev A. N. The assignment of rights under an agreement concluded at the auction. Commentary on the determination of the Judicial Collegium for Economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation of 04.20.2017 No. 307-ES16-19959 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 6. P. 4–8.

Kvanenko D. A. Is it possible to give in to the requirement on the state contract? Commentary on the determination of the Judicial Collegium for Economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation of 04.20.2017 No. 307-ES16-19959 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 5. P. 31–35.

Yagelnitsky A. A. The category of succession in Russian civil law. M., 2011. 263 p.

¹² Бершицкий Э. Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора : в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50–104 ; № 3. С. 115.

Воронежский государственный университет

Яковлев А. С., кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: ayakov@yandex.ru

Поротиков А. И., кандидат юридических наук,

доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: 820080@mail.ru

Поступила в редакцию: 19.09.2024

Для цитирования:

Яковлев А. С., Поротиков А. И. О сингулярном
правопреемстве в правах и обязанностях постав-
щика (исполнителя, подрядчика) по государствен-
ным (муниципальным) контрактам // Вестник
Воронежского государственного университета.
Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 76–81. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/76-81>

Voronezh State University

Iakovlev A. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Civil Law and Process
E-mail: ayakov@yandex.ru

Porotikov A. I., Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Civil Law and Process
E-mail: 820080@mail.ru

Received: 19.09.2024

For citation:

Iakovlev A. S., Porotikov A. I. On singular succession
in the rights and obligations of suppliers (contractors)
under state (municipal) contracts // Proceedings of
Voronezh State University. Series: Law. 2024. № 3 (58).
P. 76–81. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2024/3/76-81>